

Тихомиров Лев Александрович

Начала и концы
"Либералы" и террористы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Начала и концы: "Либералы" и террористы / Тихомиров Лев Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 123 с.

ISBN 978-5-519-76845-0

ISBN 978-5-519-76845-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

порядка дѣлать себѣ нумира“, и т. п. Привыкнуши къ смягченной формулѣ, обостряють ее немного, потомъ еще и еще. Это дѣлается не съ какимъ-нибудь тонкимъ разчетомъ, не разумомъ, вдохновляемымъ злою волей, а именно отсутствіемъ разума. Очень немногіе, исключительно прозорливые умы способны заранее предусмотрѣть конечные выводы даннаго міросозерцанія. Но въ какую бы нелѣпую толпу ни была вложена извѣстная идея, она непремѣнно сама, шагъ за шагомъ, снахетъ постепенно свой выводъ. Разумъ способный предвидѣть его борется заранее, облачаетъ самую идею въ ложности. Безсмысліе, не предвидящее вывода, не борется, осваивается съ идеей, привыкаетъ къ ней какъ къ математической аксіомѣ, и потомъ, подходи наконецъ къ выводу, невольно уже и ему подчиняется, хотя бы съ отвращеніемъ, какъ чему-то неизбѣжному. Что, дескать, дѣлать? Можетъ-быть пріятнѣе было бы если-бы земля насъ не притягивала, но это — законъ природы.

Вопросъ: „точно ли законъ приро-

ды? не есть ли вздоръ въ самомъ основаніи идеи приводящей въ недѣльному или преступному?“—этотъ вопросъ можетъ легко представиться среднему, дюжинному уму, пока онъ не увѣровалъ въ свою идею какъ въ явчѣто абсолютно истинное. Но разъ онъ затвердилъ ее совершенно наизусть—дѣло кончено. Онъ слишкомъ слабъ чтобы не закончить своего логическаго круга до конца. Какія бы ни происходили бѣдствія, недѣлости, онъ все будетъ болѣе склоненъ къ болѣе легкому, то-есть будетъ искать лѣкарства не въ критикѣ основъ, а во все болѣе и болѣе логическомъ ихъ примѣненіи. Плохо дѣйствуетъ конституціонная монархія, онъ попробуетъ республику, уничтожитъ цензы, введетъ всенародное голосованіе законовъ, раздробитъ власть чуть не между всѣми деревнями, дойдетъ до *liberum veto*, попробуетъ идеи современныхъ анархистовъ, уже произнесшихъ послѣднее слово „самоуправленія“, въ видѣ *l'autonomie individuelle*,—словомъ, перепробуетъ всѣ выводы до по-

слѣднаго звена, и ужь развѣ оконча-
тельно ударившись лбомъ объ стѣну,
способенъ будетъ воскликнуть: „какой
же я одною былъ идіотъ, вѣдь идея-то
просто чужь; мудрено ли что изъ нея
ничего не выходитъ!“

Въ сожалѣнію, это наглядное обуче-
ніе стоить слишкомъ дорого. Въ немъ
ставится на карту самое существованіе
страны.

И потому-то выгодыѣ если созрѣ-
ваніе ложной идеи не затягивается
слишкомъ надолго. Выгодыѣ если она,
еще не охвативъ и не ослѣпивъ боль-
шихъ народныхъ слоевъ, поназываетъ
на чемъ-нибудь маломъ свое приблизи-
тельно послѣднее слово пока въ странѣ
еще находится достаточно свѣжихъ силъ
способныхъ воспользоваться указа-
ніемъ.

2.

Такое указаніе Россія пережила въ
семидесятихъ годахъ. За исключеніемъ
смутнаго времени, у насъ не было ис-
пытанія болѣе тяжелаго. Это не было
монгольское иго, вражеское нашествіе,

бѣдствіе виѣшняго происхожденія, но
явленіе внутренняго, собственнаго на-
шего духовнаго разложенія, гдѣ

Находишь корень зла въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

Эта бодѣзнь... въ смерти ли? въ боль-
шей ли славѣ Божіей? Вопросъ рѣшает-
ся нами самими, нашею способностью
понять указаніе и съ нимъ сообразовать-
ся. Если у насъ не хватитъ смысла даже
на это, небо дѣйствительно нельзя об-
винить ни въ чемъ. Какою-то странною
ошибкой, непростительнымъ съ точки
зрѣнія революціонера промахомъ, ка-
кою-то странною, необъяснимою съ пра-
вительственной точки зрѣнія поблаж-
кой, „передовое“ „культурное движе-
ніе“ въ немного дѣтъ было ободрено
настолько что изъ своихъ неприступ-
ныхъ позицій легальной дѣятельности
вышло въ открытое поле. Умолчанія
всякаго „съ одной стороны нельзя не
допустить, съ другой нельзя не сознать-
ся“, „езоповскій языкъ“ и илинообраз-
ная либеральная логика, гдѣ не только
простодушный обыватель, но и самъ

чортъ ногу сломить,—все это отброшено, выводы дѣлаются прямо, смѣло, человѣческимъ языкомъ, слово не расходится съ дѣломъ. Вихорь закрутился со всею силой какая доступна горсти охваченныхъ имъ жертвъ, и въ немного лѣтъ описываетъ полный логическій кругъ. Концы соединяются съ началами.

Зашумѣлъ, закрутилъ, раздавилъ что могъ, и стихъ, какъ будто спрашивая: „Нравится ли вамъ? Этого ли вы желаете? Или чего нибудь еще поврунѣе? Въ такомъ случаѣ продолжайте, господа, а за мной дѣло не станетъ. Только заготовляйте мнѣ побольше матеріалу.“

Стоимъ и мы, и спрашиваемъ себя: „этого ли хочетъ Россія?“ И на кого ей жаловаться, если она все-таки ничего не пойметъ, ничего не измѣнитъ? Въ концѣ концовъ, нація желающая существовать обязана имѣть нѣкоторое количество здраваго смысла. Еслибъ она не могла понимать даже самыхъ ясныхъ фактовъ совершающихся предъ ея глазами, развѣ справедливость не требуетъ чтобъ она очистила свое мѣсто въ исторіи для кого-нибудь болѣе способнаго?

3.

Оставляя будущее будущему, нельзя не сказать что въ настоящемъ и прошломъ самое вредное обстоятельство составляло и составляетъ не существованіе и проповѣдь чистыхъ революціонеровъ, а то что множество людей для себя и для другихъ выставляютъ чисто революціонную проповѣдь чѣмъ-то совершенно оторваннымъ отъ общаго міросозерцанія нашего образованнаго общества. Это дѣлается иными—по дѣйствительному непониманію, другими—изъ желанія замаскировать свою собственную пропаганду, третьими — подъ вліяніемъ оскорбленнаго патріотическаго чувства, не способнаго переварить мысли о всей глубинѣ паденія политическаго смысла въ цѣломъ огромномъ слоѣ. При такихъ бы то ни было побужденіяхъ,—это ошибка или ложь, которая выгодна лишь для людей, втихомолту продолжающихъ выработку революціонеровъ.

Правду, сколь бы ни была она печальна, выгоднѣе знать и ясно себя представлять.

4.

Поколѣніе семидесятихъ годовъ кто угодно и какъ угодно можетъ бранить, не я ему стану противорѣчить. Но всѣ эти порицанія еще въ сильнѣйшей степени будутъ падать на духовныхъ отцовъ, воспитателей, создавшихъ поколѣніе семидесятихъ годовъ, заранѣе обрѣкшихъ его на безплодіе и гибель. Это было истинно „поколѣніе проклятое Богомъ“, какъ обмолвился одинъ поэтъ его. Собственно говоря, оно было до такой степени подготовлено что чисто революціонной пропагандѣ въ немъ почти нечего было дѣлать. Потому то они и шли такъ легко. Не было бездарности не способной ее вести, а мало-мальски способный человѣкъ торжествовалъ безусловно повсюду куда ни являлся.

Въ 1873 — 74 году по всей Россіи разыскивали нѣкоего Дмитрія Рогачева. У слѣдователей онъ пріобрѣлъ репутацію знаменитости, и дѣйствительно — многихъ онъ привелъ на путь революціи. Я, помню, былъ крайне удивленъ услышавъ объ этихъ подвигахъ: Рoga-

чева я прекрасно зналъ. Это было добродушнѣйшее существо, силачъ, богатырь сложеніемъ, но столь, какъ говорится, простъ, столь несвѣдущъ что вружскъ Чайковцевъ, при всѣхъ личныхъ симпатіяхъ къ Рогачеву, никакъ не рѣшился принять его въ число членовъ. Кого и въ чемъ могъ онъ убѣдить? Въ послѣдствіи, уже арестованный, онъ началъ писать свои воспоминанія и усердно потѣлъ надъ ними. Кое-кто изъ адвокатовъ, имѣвшихъ случай видѣть это произведеніе „знаменитаго пропагандиста“, на процессѣ 193хъ удостоившагося мѣста среди пяти „наиболѣе отличныхъ“, были до жалости разочарованы. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-нибудь болѣе, — не говорю уже литературно-бездарное, — но пустое, безъ одной нисры содержанія. Этотъ человекъ, исколесившій полъ-Россіи, побывавшій въ разнообразныхъ кружкахъ интеллигенціи, въ рабочихъ артеляхъ, среди бурлаковъ, сектантовъ и т. д., даже ничего не замѣтилъ, не запомнилъ, какъ будто онъ всѣ эти два три года оставался зарытымъ въ землю.

И онъ-то десятками „сображалъ“ молодежь! Понятно что въ дѣйствительности онъ никого и ничего не собиралъ. Онъ бралъ *готовое*. Онъ былъ ходячее знамя, около котораго сами собирались.

Нѣкто, какъ видно по разказу, бывшій морской офицеръ разказываетъ въ старомъ эмигрантскомъ журналѣ (*Вѣстникъ Народной Воли*, т. V, стр. 64),—и притомъ очень не дурно,—сцену своего „собрания“. Извѣстный Сухановъ (государственный преступникъ, въ послѣдствіи казненный) устроилъ у себя политическую конференцію. Ораторствовалъ не менѣе извѣстный Желябовъ. Онъ вполнѣ, не стѣсняясь, изложилъ свои планы. „При первыхъ словахъ „мы — террористы - революціонеры“, разказываетъ очевидецъ, всѣ какъ бы вздрогнули и съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Беззаботная, довольно веселая компанія, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожею на группу заговорщиковъ. Лица поблѣднѣли, глаза разгорались. Когда онъ кончилъ, начались

оживленные разговоры, строились всевозможные планы самого террористическаго характера. Еслибы въ это время вошелъ посторонній человѣкъ, онъ подумалъ бы что попалъ на сходку рьяныхъ террористовъ. Онъ, восклицаетъ авторъ, не повѣрилъ бы что за часъ до этого *все эти люди частью не думали о политикѣ, частью относились даже съ порицаніемъ къ террористамъ.*“

Что означаетъ эта сцена? Пересоздалъ ли ораторъ этихъ людей за 1/2 часа? Такой вздоръ стыдно даже подумать. Авторъ воспоминаній самъ прекрасно объясняетъ какъ онъ съ товарищами „не думали о политикѣ“ или „относились съ порицаніемъ“. Дѣло очень просто. „Искренне ненавижу и т. д.“,—говоритъ онъ,—„мы не вѣрили въ возможность скорого переворота въ Россіи; наши желанія дѣятельности сводились къ стремленію работать въ земствѣ. Мы мечтали, выйдя въ отставку, попасть въ земство и посредствомъ него вести борьбу съ правительствомъ. Въ силу революціонной партіи мы не вѣрили“ (стр. 61).